

Страданье... не знать любви!..» В первой и второй редакциях Гаэтан, возражая Изоре, дает ей понять, что смысл песни — другой:

[Изора]	«...один Сердцу закон непреложный» — Любить и милым владеть!
[Рыцарь-Грядущее]	Закон непреложный Не о том говорит...
[Изора]	«Радость — Страданье!» Даже страданье — Радость с тобой!
[Рыцарь-Грядущее]	О, дитя, то, что ты вспоминаешь, Пел тебе соловей, а не я!..
[Изора]	Ты сам свою песню забыл!

[4, ЧА₂, л. 138].

Завезенная крестоносцами красивая легенда Востока о любви соловья к розе укоренилась в Европе уже в средние века и получила настолько широкое распространение, что стала общим местом в куртуазном обиходе. Банальность этого сюжета Блок подчеркивает в драме неоднократно: в песне Алискана («Аэлис, о, роза, внемли, Внемли соловью...»); в подсказке Капеллана в ответ на вопрос Графа, о чем поется в песне, встревожившей госпожу: «Это известно заранее: о соловье и о розе»; в записке Алискана с общепринятыми в любовных письмах клише: «Дама, чьи уста алее розы, чей голос звонче соловьиного пения...» и др. Этот любовный трафарет становится лейтмотивом Алискана:

Проводил бы я в розах с Изорой
Не одну соловьиною ночь...

Блок — в объяснениях для театра — дает Алискану недвусмысленную характеристику: «Алискан — не человек, а красивое животное, которое слишком знает, куда зовет» [2, т. 4, с. 529]. М. Альтшуллер видит в Алискане двойника Бертрага и Гаэтана [13, с. 606—607]. Едва ли с этим можно согласиться. Он полная им противоположность. Замечание Блока о том, что весна «сделала их всех до безобразия чувственными и похотливыми» [2, т. 4, с. 537], относится прежде всего к нему. Он труслив, лишен рыцарской чести, просто ленив, изнежен и влюблен в себя, в свою красоту. Сцена у пруда, в котором любитесь своим отражением этот средневековый Нарцисс, не только характеризует его, но и символически предвещает ему участь Нарцисса. В первой редакции Шут, развлекая господ, говорит: «А вот как Нарцисс смотрелся в воду, пока не утонул!» Реплику подхватывает Алискан:

Я, как Нарцисс влюбленный,
В ваши очи гляжусь... [4, ЧА₁, л. 248],

ухватившись за очередное общее место куртуазной поэзии и не подозревая, что этот образ дает сомнительное представление о его любви. Это признание Алискана вошло и в окончательный вариант.

Банальность и безличность этого персонажа подчеркнуты также его тайным у дам именем «валет», что в карточной символике означает *тайный воздыхатель, возлюбленный*, а в системе таро, которая также восходит к символике древних мистических учений и сохраняет ее на протяжении веков, валет с жезлом характеризуется следующим образом: «Возможно, ребенок; если нет — то молодой человек, полный энергии и прекрасный любовник. Может быть танцор, актер, любитель путешествий. Склонен к самолюбванию, так что есть опасность впасть в нарциссизм» [14, с. 71].